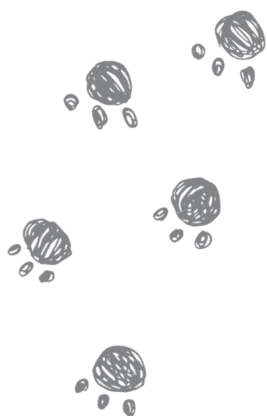

Просвети нашу тьму, молим Тебя, Господи,
и великим Твоим милосердием защити нас
от всякой угрозы и от всякой опасности
предстоящей ночи.

*Коллекта третья, читаемая на вечерне.
Книга общей молитвы*

1

Каноник Дэниел Клемент, выпускник лондонского Королевского колледжа, настоятель церкви Святой Марии в Чемптоне, стоял на кафедре и смотрел на своих прихожан. В тот день читался отрывок из Книги Чисел — о том, как израильяне возроптали на Моисея, который вместо Земли Обетованной привел в их пустыню¹. Эта история живо трогала Дэниела — и, он был уверен, живо трогала каждого из пятидесяти восьми его предшественников: слишком уж часто роптала их паства, как раньше, так и теперь. Моисей смог избежать мятежа: он уда-

¹ Числ. 20: 1–13. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

рил жезлом в скалу и чудесным образом иссек из нее поток воды, напоив свой мучимый жаждой непокорный народ. Что и говорить, мудрая тактика, и Дэниелу тоже не помешало бы взять ее на вооружение.

— Подобно Моисею и истомившемуся в пути народу Израилеву, — говорил Дэниел, — мы с вами должны учиться жить в надежде, учиться смотреть в будущее и находить опору в настоящем, чтобы преодолеть выпадающие на нашу долю трудности. Моисей в Мериве ударил жезлом в скалу — и из нее полилась чистейшая вода. Так же и мы с вами должны дать место воде — дать ей течь, я бы даже сказал, смывать все наносное. Дорогие мои, нам в церкви необходим туалет.

По толпе пробежала дрожь, в воздухе словно бы повисло эхо последнего слова, поразившего всех своей грубостью. Как будто кто-то и впрямь дернул рычаг смыва и обдал прихожан чем-то непристойным.

Церковь Святой Марии, жемчужина английской перпендикулярной готики, чудесная с архитектурной точки зрения и чудесно вписанная в сельский ландшафт, вот уже четыре столетия обходилась без уборной. Бесчисленные поколения чемптонцев безо всяких эксцессов выстаивали службы гораздо более частые и продолжительные, чем теперь,

и священники, даже разменявшие коварный в этом отношении десятый десяток, тоже как-то справлялись. Дэниел подозревал, что далеко не первым обнаружил невидимый с дороги уголок между контрфорсом и северной стеной, где скрытый от посторонних взоров настоятель мог удовлетворить свою естественную потребность, поджидая запоздавшую невесту.

Дрожь утихла, когда началось причастие и Дэниел вышел на ступени алтаря со Святыми Дарами в руках, ожидая, пока паства подойдет к алтарной перегородке. Это всегда занимало неоправданно много времени. В церкви Святой Марии, как и во многих других, прихожане в основном толпились сзади, оставляя передние ряды для немощных, чтобы тем было лучше видно и слышно (когда наконец утихнет свист слуховых аппаратов).

— Приступите с верою, — возгласил Дэниел, не в силах полностью скрыть легкое раздражение, — примите Тело Господа нашего Иисуса Христа, за вас преданное, и Кровь Его, за вас пролитую.

В самом деле, жаждущие жизни вечной могли бы и поторопиться, когда им предлагается столь щедрый дар. Впереди всех выстроились певчие, чтобы быстрее получить причастие и вернуться на хоры исполнять гимн,

но по другую сторону алтарной арки никто не тронулся с места, пока процессию не возглавил лорд де Флорес — церковный попечитель, владелец поместья и работодатель Дэниела, редко посещавший церковь, но пришедший в тот день по его просьбе. Он тяжело поднялся с фамильной скамьи, украшенной родовым гербом — венком цветов¹, — и, с трудом протиснувшись мимо родственников, нетвердой походкой двинулся вперед через арку. На нем был воскресный твидовый костюм (этот костюм Дэниел дипломатично называл про себя «заслуженным», гадая, не облекал ли он еще отца нынешнего лорда). Бернارد казался неповоротливым, но виной тому был не его возраст — пятьдесят семь лет, а избыток ночных возлияний. Он споткнулся, проходя мимо капеллы слева от алтаря — фамильной усыпальницы, где под барельефами покоились его предки, готовые в роковой час принять и его самого в свое общество.

За ним последовала Маргарет Портеус, обогнав еще одного человека с фамильной скамьи — Энтони Боунесса, кузена Бернарда, недавно назначенного на должность чемптонского архивариуса. Энтони был похож на

¹ Фамилия де Флорес (de Floures) родственна английскому *flower* и французскому *fleur* (цветок).

Филипа Ларкина¹ после самого скучного дня в библиотеке. Маргарет проскользнула мимо него у ступеней алтаря, тоже в твидовом костюме, хоть и не столь древнем, как у Бернарда и Энтони, и с платком «Либерти» на плечах. Сама она была и не из де Флоресов, и не из деревенских, но выполняла роль посредника между господским домом и деревней: координировала волонтеров, которые показывали сокровища Чемптон-хауса всем желающим в те два месяца, когда его светлость открывал поместье для посещения. Это делалось по согласованию с налоговой службой с целью уменьшить налог на наследство² (неудивительно, подумал Дэниел, что у Бернарда такой унылый вид: по одну руку от него — будущая могила, по другую — живое напоминание о налоге, который наследнику придется платить после его смерти). Проворная в своих легких мокасынах, миссис Портеус поравнялась с Бернардом у алтарной перегородки,

¹ Филип Артур Ларкин (1922–1985) — британский поэт, писатель и джазовый критик. На многих фотографиях запечатлен в больших очках. Можно найти в сети эти фотографии, чтобы представить себе, как выглядел Энтони.

² Имеется в виду налог, который по английским законам должен заплатить наследник, прежде чем вступить в наследство.

и преклонили колени они одновременно. За ними неспешно потянулась вереница прихожан, которые по очереди преклоняли колени, заполняя церковь слева направо, как текст на бумаге. И этот текст мог многое рассказать о Чемптоне, о существующей среди его жителей иерархии, о его светлых и темных сторонах, о тех, кто пришел и кто не пришел в тот день на службу, о счастливицах и неудачниках, о прихожанах благочестивых и пока что не очень.

Вот, например, Норман Стейвли, советник графства, в блейзере и брюках из кордовой ткани — жадный до людского внимания и к частию подходящий, пожалуй, с излишней беспечностью. За Норманом шла Катрина Гоше, директриса местной начальной школы, а с ней два сына; ее муж Эрве, атеист, остался ждать их дома и готовить бранч (когда удар колокола возвещал, что до прихода жены осталось пятнадцать минут, он смешивал ей «Кровавую Мэри»). За непоседливыми мальчиками протиснулись в своих воскресных нарядах две мисс Шерман, старые девы-близняшки, сами ростом не выше детей.

Дэниел пошел вдоль первого ряда, чтобы дать прихожанам Тело воплотившегося Господа.

— Тело Христово...

— Аминь.

— Тело Христово...

— Аминь.

— Тело Христово...

— Спасибо, — вежливо сказал Норман, как будто ему предложили канapé.

Органистка, Джейн Твейт, жена Неда, который ходил на все службы, но никогда не причащался, заиграла гимн для причастия «Ты посещаешь землю», одно из любимых песнопений Дэниела, самое жизнеутверждающее творение Церкви Англии XVIII века.

— И ве-енчаешь го-од благостью Твоею...

И чувствовалось, что год и правда полон благодати: весеннее солнце пробивалось сквозь стекла клеристория, и былинки плясали в его лучах, пока очередь причастников заполняла собой неф.

Когда отзвучал гимн, Дэниел, прочитав те молитвы, что читаются в ризнице, вышел из церкви и стал у входа. Он поглядел на кладбище, на надгробные плиты с нечитаемыми уже надписями, сдвинутые с изначальных мест и выстроенные ровными рядами, чтобы сторожу¹ было удобнее косить траву, — а потом

¹ Двор английской церкви, как правило, представляет собой кладбище. Следит за состоянием кладбища и одновременно выполняет роль могильщика церковный сторож.

вдаль, за декоративный ров, на парк, в 1790-х годах благоустроенный Хамфри Рептоном¹ с модной в то время небрежностью; именно тогда для лорда де Флореса вырыли пруд и построили «архитектурные капризы» в соответствии с романтическим духом эпохи.

Потомок того лорда, нынешний лорд де Флорес, как всегда, вышел из церкви первым.

— Туалет, Дэн? У них был такой вид, будто вы при них выругались.

— Странно, правда? Как вы думаете, почему они так отреагировали?

— Их пугают все эти туалетные темы — как можно в церкви думать о том, что хочешь по-большому или по-маленькому? Боюсь, нам предстоит борьба. Приходите сегодня на чай. И маму, пожалуйста, берите с собой.

— Спасибо.

Маргарет Портеус, как верная последовательница лорда де Флореса, вышла из церкви следом за ним.

— Ректор², — сказала она, взглянув на Дэниела, — какая прекрасная служба! — И поспешила догнать Бернарда.

¹ Хамфри Рептон (1752–1818) — английский ландшафтный архитектор, мастер пейзажного парка.

² Ректор — наименование настоятеля в Церкви Англии и официальное обращение к нему.

Следом из церкви вышли члены цветочной гильдии¹: великолепная миссис Стелла Харпер и ее верная соратница миссис Анна Доллингер. Подобно многим своим коллегам, они столь рьяно были преданы цветочному делу, что ничего иного, казалось, и знать не желали — и обе пришли в тематических, хоть и не сочетавшихся по цвету, платьях с цветочным узором, приобретенных по оптовым ценам в магазине миссис Харпер. На отвороте жакета у Стеллы, точно форменный знак отличия, болталась шелковая брошка в виде цветка. Увы, природа не одарила этих дам весенней свежестью: миссис Харпер была худая, жилистая и какая-то колючая — «сердитый артишок», как выразилась однажды мать Дэниела; миссис Доллингер, напротив, массивная, квадратная и со слюнявым ртом («прямо собака живодера в юбке»). Они выделялись среди жителей деревни и усердно посещали церковь, но ни богословие Никейского символа веры, ни особенности литургики годового круга их не интересовали: для них превыше всего были цветы. Великим постом велись дебаты: миссис Доллингер искала повод нарушить запрет на украшение церкви цветами

¹ Группа прихожан, которая отвечает за украшение церкви цветами и организацию цветочных фестивалей.

в эти строгие дни. Она уверяла, что «скромненький мрачный гиацинт» вовсе не противоречит этому запрету, а Дэниел решительно возражал ей, что противоречит. Иногда ему казалось, что для двух этих леди церковь — это гигантский цветочный горшок: купель — источник столь необходимой влаги, алтарь — огромная витрина для цветочной экспозиции, а деревенские дети — ходячие подставки для увитых цветами обручей и букета для Королевы мая¹. Мальчики Гоше, словно тренируясь перед майской процессией, нарезали круги по кладбищу — выпускали накопившуюся после чинного сидения энергию. Стелла Харпер поморщилась.

— Доброе утро, ректор, — неожиданно сухо обратилась она к нему. — Эти... улучшения... Они планируются когда?

— Не прямо сейчас, Стелла. Пока что это только предложение, я хочу, чтобы его обсудили на приходском совете. Что вы об этом думаете?

— Это все не нужно. К тому же будет морока с прокладкой труб.

¹ Королева мая (May Queen) избирается и венчается цветами на Празднике мая (May Day), традиционном английском празднике с народными танцами, гуляниями и цветочной процессией.

— Думаю, не все с вами согласятся. Во многих церквах теперь есть туалеты, и с прокладкой труб не возникало особых проблем. В конце концов, у вас уже есть кран и раковина для цветов.

— Да, но это совсем другое. Дэниел, вы только представьте себе *эти звуки!* Кто захочет слышать, как бурлит слив, во время Божественной литургии?

— Вот именно, — горячо поддержала ее миссис Доллингер.

— Когда мы оборудовали туалет в моем прежнем приходе, никто не жаловался, — сказал Дэниел. — Наоборот, люди были рады.

— *Здесь* — это вам не *там*, — парировала миссис Харпер.

— Мы что, лемминги? Раз другие прыгнули со скалы, то и нам надо? — спросила миссис Доллингер.

— Да и где его разместить? У вас в ризнице или, может, на колокольне?

— Стелла, но ведь сзади полно места. У нас гораздо больше скамей, чем нам нужно. Если грамотно использовать это пространство...

— Я так и знала! — сказала Стелла. — За что вы, викарии, так ненавидите скамьи? Вам бы только пустить их на опилки!

— А ведь это наше *наследие*, — вставила миссис Доллингер.

— Это совсем недавнее наследие, скамьи в основном викторианские. Веками люди как-то без них обходились.

— А на чем же они сидели?

— Ни на чем. По крайней мере, большинство ни на чем. Раньше в церкви все, кто мог, стояли. Отсюда и пошло выражение «слабым место у стены»¹. Старые и немощные сидели на лавках, стоявших вдоль стен, — объяснил Дэниел.

— То есть вы хотите отнять у нас наши чудные скамьи и заставить нас стоять всю вечерню?

— Нет, достаточно убрать пару задних рядов. Но, как я уже говорил, мы еще все обсудим, — сказал Дэниел и сделал примиряющий (как он надеялся) жест. — Вы останетесь на кофе?

Энтони Боунесс, который в тот день стоял на раздаче вместе с сестрами Шерман, разливал горячую воду из большого термоса в пенопластовые стаканы, дополненные для приличия симпатичными пластмассовыми подстаканниками.

Миссис Харпер, однако, не успокоилась.

— Еще обсудим? И вы добьетесь своего? Вы ведь, кажется, уже все решили. Но почему нас совершенно никто не слушает?

¹ Английское выражение, означающее «слабых бьют».

— Я вас слушаю, Стелла. Как и всех остальных. Это только предложение. Если прихожане не согласятся, туалета не будет.

— Я знала, что вы так скажете. Но скамьи нельзя убирать просто потому, что так решило большинство. Они имеют историческую ценность. Что скажет «Английское наследие»¹?

— Скамьи викторианские, — вмешался в разговор Нед Твейт, в прошлом директор начальной школы. Он заметил Стеллу с крыльца. — В них нет ничего особенного, Стелла.

— Благодарю вас, Нед, — ответила Стелла, не поворачивая головы, — но я разговариваю не с вами, а с ректором.

Нед, умевший, когда нужно, быть непробиваемым йоркширцем, сказал:

— Стелла, я член приходского совета, а этот вопрос в его ведении. Если вас что-то смущает, не мучьте нашего настоятеля и поднимите этот вопрос на совете.

И, решительно выставив вперед нижнюю челюсть, Нед позвенел связкой ключей, висевшей у него на поясе вместе со множеством мешочков, брелоков, перочинных ножей и поясной сумкой, которую дочь шутки ради привезла ему из Сан-Франциско. Дэниел про себя

¹ Британская государственная комиссия, занимающаяся охраной исторических зданий и памятников.

удивлялся, как этот ремень еще умудряется поддерживать брюки, а не тянуть их вниз вместе с многочисленными карманами.

Это была последняя капля.

— Я и подниму этот вопрос на совете, даже не сомневайтесь, — сказала Стелла. — И не забывайте, ректор, что завтра годовое собрание цветочной гильдии. У нас там есть один вопрос на повестке дня. Возможно, вы еще передумаете.

Она явно сдержалась и не высказала всего, что было у нее на уме, но ее прощальный взгляд дал Дэниелу понять, что поддержки прихожан у него меньше, чем он надеялся. Его кольнула тревога.

— Я же говорил, — сказал Нед.

— Что именно?

— Что ваша идея вызовет переполох. Это же перемены.